

РОДЖЕР ПЭЙН:

НОСИТЬ КИМОНО ЭТО ПРИВЕЛЕГИЯ

В «МОСКОВСКОМ БУДОКАНЕ» НА УЛ.ЛИТВИНА-СЕДОГО ПРОШЕЛ ОЧЕРЕДНОЙ СЕМИНАР С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННОГО СПЕЦИАЛИСТА ПО БОЕВЫМ ИСКУССТВАМ. НА СЕЙ РАЗ НАШИМ ГОСТЕМ СТАЛ БРИТАНСКИЙ МАСТЕР, ОБЛАДАТЕЛЬ 6-ГО ДАНА АЙКИДО, 5-ГО ДАНА ДЗЮДО И 5-ГО ДАНА ИАЙДО, ГЛАВА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ДАЙ НИППОН БУТОКУ КАЙ В АНГЛИИ РОДЖЕР

ФОТО МАКСИМА МАРТЫНЕНКО

— Я рад приветствовать господина Пэйна на московской земле, тем более, что совсем недавно ваш российский коллега Арабаджиев-кёси очень много про вас рассказывал и даже показывал видеосъемку американского фестиваля боевых искусств.

— Во плоти я все же получше выгляжу.

— По-моему, и так и так одинаково хорошо. Мы слышали о вас, как о наиболее интересном за пределами Японии представителе Дай Ниппон бутоку кай, как о наиболее ярком приверженце традиционной школы будзюцу.

— Я тоже с большим уважением отношусь к Александру Арабаджиёву и к его мнению.

— В связи с этим у меня возникает к вам первый вопрос. Сегодня в России, как нам кажется, развиваются три основных направления будо. Я начну с конца. Самое новое — это занятия будо как фитнесом. Мне кажется, это наиболее близко к французской модели, и во многом объясняет популярность дзюдо во Франции. Возможно, Косоротов-сэнсэй — один из ярких представителей именно этого направления, потому что он долго жил в Европе. Второе направление, можно сказать, созвучно духу Кёкусин каратэ. Мне кажется, русские вообще любят подраться, померяться силой и нам понятна и

близка сама по себе идея максимального испытания своих возможностей, победы и т.д. И, наконец, третье направление, самое сложное, самое малочисленное — это вот те, кто практикует традиционные виды будо, в том

числе, дзюдзюцу, кто наиболее близок к традициям Дай Ниппон бутоку кай. Могли бы вы как-то прокомментировать такую расстановку сил?

— Вполне возможно, что в России это так и есть.

— А в Европе?

— Да, похожая тенденция прослеживается и у нас в Европе. Да и вообще, вы — Восточная Европа, а мы — Западная, но тоже Европа. Да, можно с меньшими усилиями проходить больший путь. Все доступно, все рядышком, все есть, выбор богатый — были бы деньги. Но настоящее будо — одно из немногих понятий, которое нельзя купить за деньгами. Можно предположить, что если есть какие-либо коммерческие пути достижения какого-то статуса в боевых искусствах, они будут, безусловно, использованы. Если тяжело идти по традиционному пути, мы будем искать какие-то более легкие подходы. Но таким образом само понятие будо размывается — оно не должно становиться более легко достижимо и постижимо.

Первый вопрос, который мы часто слышим, когда человек приходит к нам заниматься: «А сколько времени у меня уйдет на то, чтобы дойти до черного пояса?» По этому вопросу сразу можно понять, что этот человек ничего не понимает в будо. Он пришел сразу за поясом — это уже не боевое искусство, не Путь воина. Однако и это все можно поменять, сознание, представления человека можно изменить. Но не у всех, конечно.

— Как я понимаю, именно в самых традиционалистских направлениях что-то поменять, изменить отношение человека к будо наиболее сложно, и потому они так малочисленны?

— Я уже долго занимаюсь своим делом и знаю, что даже у меня дома нас многие считают старомодными. Но я был бы рад иметь хотя бы одного студента, который полностью посвятит себя будо. Скажу откровенно, это гораздо лучше, чем иметь полное додзэ «чайников». Но мы тоже испытываем на себе давление коммерции, и я понимаю, например, что вот это здание,

где мы сидим, «Московский Будокан», стоит немалых денег и постоянно требует средств на содержание, на аренду и т.д. В Англии у меня есть своя ферма, и я держу свое додзэ в одном из ее помещений.

— Похоже, что у вас еще более традиционалистский подход, чем у нас.

— Мне кажется, что в Европе через самые большие «спортивные клубы», через огромные залы просто прокручивается бесконечный поток денег. Моя же школа каждый год теряет деньги, она работает в убыток.

— И каждый год вы вкладываете в нее свои деньги?

— Это мой дар боевым искусствам, мой вклад в большое дело. Это дает мне возможность сохранять свободу собственного мнения.

— Мне кажется, такая позиция, в общем и целом, характерна и для Японии. Вам ведь наверняка приходится много общаться и с японскими мастерами?

— Все мое общение происходит исключительно через Хамаду-ханси. Он — учитель моего учителя, который, к сожалению, рано умер, он мой главный командир. Будучи учителем для своих учеников я остаюсь его учеником — это правильно

— Япония — островная страна, и ее население имеет своеобразную психологию. Британия — тоже островная страна, а британцы известны своим особым характером. Похожи ли в связи с этим практики будо, в рамках об одной ветви, Дай Ниппон бутюку кай, в Японии и в Англии?

— В нашей стране в прошлом существовала классовая

система. Естественно, потом она была разрушена, но в головах людей она по-прежнему осталась и дает о себе знать по сей день. В Японии существовало очень похожее классовое общество: татэ сякай. Оно наложило очень сильный отпечаток и на хорошо известную систему иерархии, в том числе, в боевых искусствах, на отношения между учителем и учеником. Они оба требуют взаимного уважения. Ты можешь быть самым лучшим учителем в мире, мастером, но если ученики тебя не уважают, ты ничего не стоишь.

Эта самурайская этика очень важна, в том числе, и для меня. Не знаю, как для остальных англичан, но для меня это очень важная вещь.

— За те несколько дней, которые вы со своей делегацией провели в Москве, сложилось ли у вас какое-то мнение, устойчивое впечатление о нашем будо?

— Мы здесь исключительно благодаря Александру Арабаджиеву, и поэтому можем судить исключительно на основании этого единственного примера.

— Думаю, что это очень хороший пример.

— Школа, которую я здесь вижу, требует очень тяжелой работы, полного посвящения себя. Этого же я ожидаю от своих учеников — тяжелой работы. Но у меня нет такого опыта практического применения, как у Арабаджиева-кэси, и у меня нет, к сожалению,

рядом чемпиона мира по дзюдо, такого, как Сергей Косоротов. Но мы стараемся, мы прилагаем много усилий для следования по правильному пути. Именно это слово «усилие» объединило нас и притянуло друг к другу. Мы занимаемся будо не только в зале, то есть, пришли, два часа в день прозанимались и ушли, нет, мы постоянно находимся в этом мире. Я своим ученикам говорю, что надеть кимоно — это не право, а привилегия, поэтому ты должен соответствующим образом к ней относиться — это очень важно. Когда ты приходишь в додзё, то оставляешь за его порогом весь внешний мир.

Обучение, которое мы прошли здесь, все-таки немножко другое. Мой первый учитель 40 лет назад был такой же человек по складу характера, как Александр Арабаджиев, он подходил, показывал технику и говорил: «Делай». Если делал неправильно, просто говорил: «Этонеправильно». И тебе приходилось повторять и повторять, пока он не одобрял: «Ну, вот теперь правильно». И это превратилось в рефлекс. Эта методика противоположна той, в которой люди показывают какую-то технику и долго объясняют что к чему. Я никогда не забываю самые основные техники: это кирпичи фундамента боевых искусств. Некоторые мои ученики уходили от них, потому что им хотелось больше техники, хотелось расширить, а не углубить свои знания. И я говорил, что если вы хоть

раз сделаете один из базовых приемов совершенно, правильно, безупречно, можете уходить. Они говорят: «Не могу», но все равно уходят. Некоторых это увело далеко.

— Где они сейчас?

— Они нашли себе какие-то школы полегче, получили пояса постарше. Но я считаю, что лучше быть хорошим и уверенным первым даном, чем низкокачественным пятым. Если из нашего додзё уходят ученики, то только по этой причине. Им говорят: «Вы такой классный, пойдёте со мной, я вас сделаю

**Я СВОИМ УЧЕНИКАМ
ГОВОРЮ, ЧТО
НАДЕТЬ КИМОНО
— ЭТО НЕ ПРАВО,
А ПРИВИЛЕГИЯ,
ПОЭТОМУ
ТЫ ДОЛЖЕН
СООТВЕТСТВУЮЩИМ
ОБРАЗОМ К НЕЙ**

третьим даном, ведь вы в этой школе — всего лишь первый дан. Переходите к нам!».

— Это мое личное мнение, но я думаю, то, о чем вы сейчас рассказали, обычное явление не только в Англии, но и в России, и в Японии.

— Если люди гонятся за бумагой, за сертификатом, гонятся за дипломом, они просто теряют свою честь.

— Полгода назад на этом же месте мы разговаривали с Ионом Блюмингом, который написал скандальную книгу о своей истории.

— «От хулигана до 10-го дана»? Я читал.

— Я спрашивал, почему у него такое негативное отношение ко многим японским мастерам, и он мне пояснил, что не ко всем японским мастерам, а ко многим каратистам, которые практикуют как раз вот этот взгляд: «Ты классный. Приходи ко мне, я дам

тебе третий дан». И говорил как раз о том, что настоящее будо и в Японии сохраняется в основном в традиционных школах иайдо, дзюдзюцу, кэндзюцу...

— Моя школа называется «Школа боевых искусств Миддл Сассекса», и нам очень повезло, что Хамада-ханси, международный координатор Дай Ниппон бутоку кай, называет нас не иначе, как «Представительство Дай Ниппон бутоку кай в графстве Миддл Сасекс». Он таким образом нас и зарегистрировал, так что мы вынуждены нести на своей шее не только наши собственные обязательства, но и мои личные обязательства перед Хамадой-ханси за его доверие, за то, что он дал нам такое название. Многие люди просто не понимают, как много это значит, просто понятия не имеют, а это очень большая ответственность. Я иногда чувствую себя библейским пастухом, пытающимся удержать в стаде неразумных овец. Оглядывая прошедшие годы, вспоминая всех студентов, которые были у меня, а некоторые со мной уже 20 лет, некоторые ушли, я иногда сожалею о тех, кто ушел. Даже думаю о них больше, чем о тех, которые остались. Как отец переживает о детях своих, хотя они уже взрослые люди. Но, возвращаясь к вашему вопросу, скажу, что специалисты «Московского Будокана» понравились нам не только с точки зрения тренинга. Как люди вы нам тоже очень нравятся. С вами интересно и даже весело заниматься.

— Спасибо, и в заключении я могу только понадеяться, что это ваш первый приезд, но не последний.

— У нас уже есть желание прислать к Арабаджиёву-кёси еще троих наших учеников, которые по разным причинам не смогли сюда прилететь вместе с нами. Да и дополнительно я бы хотел еще выбрать несколько человек — и сюда, хотя бы на недельку.

И вот что еще я хотел бы сказать вам на прощание. Будо объединяет людей — это очень важно. Оно едино для всех, и, кроме того, оно еще и кормит людей. Если бы его не было, мы бы здесь не сидели, у нас не было бы этого зала, не было бы повода встретиться и поговорить. Будо дает возможность

вам делать журнал и получать за эту работу деньги, человеку, который продает этот журнал в магазине, оно тоже позволяет зарабатывать деньги и кормить своих детей. Круги от этого «камешка» расходятся во все стороны и оказывается, что они влияют на всех людей положительным образом: ничего негативного, ничего отрицательного здесь нет.

Это странно, но это факт: искусство, которое вроде бы учит людей сражаться и биться друг с другом, убивать и калечить друг друга, в то же время, притягивает нас и размывает границы и барьеры между людьми. Москва — это ваш город, но планета-то у нас общая и единственно важная вещь — это выработка правильного отношения к делу. Если у вас есть ученик с неправильной позицией, неправильным пониманием, то, получив некоторую степень, у него создается впечатление, что он добился этого исключительно благодаря себе. Многие из людей, которые только что получили черный пояс, считают, что они гениальны. Часто это не так. Я всегда ношу с собой свой черный пояс — вот он. Но, когда мы только приехали, я спросил у Александра Арабаджиёва: мне надеть белый пояс или черный? Для меня это не важно, а если бывают ученики, которые считают, что его собственная персона, его черный пояс — это и есть самое важное, то это неправильно. Такие люди, как правило, очень быстро уходят.

Посмотрите на мон — на эмблему на моем кимоно. Это не просто хризантема, цветок. Вот красный центр — флаг Японии, а эта хризантема с черными лепестками символизирует то, что мы находимся во тьме незнания. Каждый из этих семи лепестков означает семь заповедей будо, вот эти белые границы между ними — это то маленькое, крошечное знание боевого искусства, которое мы получили, а красные линии вокруг них обозначают неразрывный круг обучения. Белый — цвет кимоно, который внутри круга, символизирует наш мир. Он весь белый — это то, что нам надо изучить, то, что мы можем изучить. Мы носим эту

эмблему на сердце, чтобы всегда об этом помнить.

БЕСЕДОВАЛ АЛЕКСАНДР
КУЛАНОВ
ПЕРЕВОД ВЛАДИМИРА ЛУКИНА